

Письма Альберу Ришару о революционной организации, революции и войне

1868-1870, источник: [здесь](#).

Предисловие историка-марксиста

Публикуемые ниже шестнадцать писем относятся к наиболее интересным образцам эпистолярного наследства Бакунина. Первое письмо датировано 4 декабря 1868 года, последнее – 4 сентября 1870 года. Другими словами, переписка охватывает первый период борьбы в Интернационале и подходит вплотную к франко-прусской войне. Если принять во внимание, что значительная часть писем была зашифрована, что Альбер Ришар, член бакунинского Альянса, был агентом Бакунина в Лионе, его доверенным лицом и одновременно членом Лионской секции Интернационала, что главным содержанием переписки является судьба «Альянса» и борьба с Генеральным Советом, что в ней имеются, кроме того, замечания о русских делах и Нечаеве, о франко-прусской войне и о восстании в Лионе, – значительность этих писем, как исторического документа, делается ясной.

Среди них письмо от 1 апреля 1870 года представляет исключительный интерес. Подобно многим другим документам, сделавшимся известными лишь в последнее время, это письмо проливает свет как на методы бакунинской конспиративной деятельности в недрах Интернационала, так равно и на цели, к которым он стремился. Здесь резче, чем в каких-нибудь других своих высказываниях, Бакунин говорит о «незримой», «коллективной» диктатуре «всех союзных сил». В разных местах его переписки часто встречается слово «союзники» (альянсисты). Нелишним поэтому будет здесь указать, что этим словом Бакунин обозначал тот круг объединенных друзей, которых он считал участникам своей «незримой» революционной работы. Это были члены тайного Альянса, «братья», как иногда называл он их. Отрицая диктатуру «вообще», власть «вообще», Бакунин признавал лишь «единственную власть», «единственную диктатуру» – «незримую диктатуру» своей тайной международной организации, которая должна была «руководить народной бурей». Не лишены, затем, большого интереса замечания Бакунина, касающиеся общего хода

революции. Конечное признание «незримого руководства» разнузданной анархией говорит о том, что Бакунина, в конце концов, выручала огромная революционная интуиция. Сам того не сознавая, он вносил в свои политические и теоретические заблуждения поправки столь существенные, что они отрицали самые основы его анархического мирозерцания[1].

В письмах к Ришару сказались все достоинства и недостатки бакунинской манеры конспирировать. Его пристрастие к шифрам, тайным знакам, условным обозначениям вполне попятно и нисколько не удивительно: без шифра не может и не должна обходиться ни одна тайная революционная организация. Но в Бакунине страсть эта, как и все прочее, принимала необычайные формы. Он создавал по нескольку шифров, старые меняя на новые, конспирируя, очевидно, не только против врагов, но и против друзей. Но шифры нередко терялись, сам Бакунин путал условные обозначения, в результате – некоторая часть его зашифрованной переписки может быть раскрыта только по догадке. Что касается настоящих писем, – они находятся в благоприятных условиях, так как шифры, которыми зашифровал Бакунин их значительную часть, опубликованы полицейским «историком» Интернационала, Оскаром Тестю, в его известной, ныне ставшей редкостью, книге «L'Internationale et Jacobinisme au ban de l'Europe» (Paris, E. Lachaud, éditeur, 1872, два тома). Шифры эти, вместе с массой других ценнейших документов, были захвачены полицией при арестах после лионского восстания, которые и дали возможность Тестю «написать» свою вздорную, несмотря на исключительную документальность, историю: бакунинский Альянс он отождествил с Интернационалом.

Что Бакунин пользовался несколькими шифрами в переписке с Ришаром, можно заключить по первому из публикуемых писем: оно не поддается расшифровке с помощью ключа, опубликованного О. Тестю. Здесь нам пришлось следовать за Максом Неттлау, который, очевидно, располагает еще и другими ключами. Кроме того, в тех шифрах, которые опубликованы в книге Тестю, одно и то же слово имеет разные условные обозначения. Так, именем Юлия (Julie) в одном, случае обозначен Бенуа Малон, в другом – Hénon, Энон (мэр Лиона). В одном случае под именем M. Roux фигурирует Испания, в другом – Париж, который имеет еще ряд других условных обозначений, и тому подобное. Некоторые имена тщательно зашифровывались, другие в зашифрованных письмах оставались раскрытыми. Мы не будем, разумеется, в этом кратком предисловии изучать характер шифров Бакунина. Говорим все это лишь для того, чтобы пояснить, почему в некоторых случаях даже с помощью ключей нам не удалось восстановить некоторых имен и раскрыть некоторые намеки. Там, где мы не имели никакой возможности расшифровать слово, мы в скобках ставили знак вопроса (?). Точно так же поступали мы в тех случаях, когда сомневались в правильности восстановленного нами смысла.

Мы не будем здесь анализировать содержания публикуемых писем. Читатель, хотя бы бегло знакомый с эпохой I Интернационала и с борьбой, которую вел с Марксом Бакунин, без труда увидит неправоту тех авторов-анархистов, которые изображали конфликт в Интернационале исключительно как следствие злой воли Маркса[2], не излюбившего Бакунина и желавшего истребить его влияние в Международном Обществе Рабочих. Маркс, правда, не любил Бакунина. Но ведь и Бакунин не любил Маркса. Маркс, правда, стремился «истребить» влияние Бакунина в Интернационале, но ведь и Бакунин стремился «истребить» влияние Маркса. Писатели, которые не хотят видеть агрессивности в

поведении Бакунина, просто не понимают его как революционера, извращают его облик. В борьбе Маркса и Бакунина они изображают последнего в виде мирной, безответной овечки, тогда как Бакунин был из породы тигров: он не любил обороняться, но предпочитал нападать. И в письмах к Альберу Ришару, которые тщательно шифровал он не только от полицейского глаза, но и от своих друзей по Интернационалу, приподнимается завеса над тайной борьбой, которую прилежно и неустанно вел Бакунин против Генерального Совета.

Интерес писем, однако, не исчерпывается приведенным их содержанием. Они дают богатейший материал для уяснения некоторых взглядов Бакунина. Горячие слова о растворении личности в коллективе, апология невидимой организации, сеть которой раскинута по стране, не случайное упоминание ордена иезуитов – все это имеет первостепенный интерес в деле понимания организаторских приемов Бакунина. Его призыв к рабочим Франции, его критика буржуазии представляют собой едва ли не самые яркие страницы, когда-либо написанные Бакуниным. Не следует забывать, что письма были написаны по-французски и в переводе потускнел, конечно, тот пафос, то напряжение страсти, которые характеризуют агитационный стиль Бакунина. Письма от 23 августа и 4 сентября 1870 года должны быть отнесены к самым ярким образцам бакунинского эпистолярного наследия. Вместе с тем в них ярко проявилась основная черта его революционного характера, отмеченная еще Герценом: увлекать не доводами, а желанием. Он хотел верить и верил, что путь, на который он звал Францию в 1870 году, есть единственный победный путь. И потому, что им двигала вера, так потрясла его неудача 1870-1871 годов, от которой он уже не мог оправиться[3].

В некоторых письмах идет речь об обвинениях, направленных против Альбера Ришара. Насколько серьезны были неприятности, можно заключить по нижеследующим документам:

«Разговор председателя конгресса гражданина Э. Дюпона из Лондона с делегатом Гринаном по поводу протеста, заявленного против А. Ришара-сына.

Извлечение из переписки

Что касается вопроса о Ришаре, позвольте мне, милостивый государь, привести вам *буквально* то, что мне сказал господин Дюпон, председатель, когда я вручил ему известные вам бумаги:

“ «Прошу вас, передайте господину Шетелю, другом которого я имею честь быть, передайте тем, кто в Лионе остался верным идее, передайте им, чтобы они бросили это дело. Эти частные, эти местные вопросы не могут обсуждаться на конгрессах; вы уже видите, что дело (не разобрано) и его друзей, уже внесшее смуту в первый конгресс, повторяется на этом в еще более ожесточенной, еще более ядовитой форме. Неужели вы пожелаете бросить еще лишний элемент раздора в среду настоящего конгресса? Что скажут англичане, немцы, швейцарцы, когда увидят, что во

Франции секции ведут междоусобную войну? Уже имеется война между парижскими делегатами. Нужно ли, чтоб они увидели еще и двух делегатов, посланных лионцами, враждующими между собой? Согласен, *этот человек подделал документ, согласен, что он недостойн быть здесь, – это правда. Имеются все данные, чтобы его прогнать*, но он представляет секцию Интернационала, секцию Невилля, он делегирован по всем правилам; он представляет людей искренних, преданных ассоциации. Что ж, вы хотите, чтоб им нанесено было оскорбление устранением их в лице их представителя? Нет, прошу вас, бросьте это; это вопросы местные. У вас в руках документы, ну, что ж, пустите их в ход, расправьтесь своим судом, у себя. Докажите тем, кого он представляет, *что он недостойн этого, что их доверием злоупотребили. А эти бумаги, которые вы мне вручаете, будут положены в архив общества, так что мы можем в один прекрасный день, если он начал действовать против нас, против справедливости, раздавить его одним ударом. Итак, действуйте у вас по отношению к нему, как он того заслуживает, а если он поищет удачи где-либо в другом месте, мы будем действовать, мы, я вам это обещаю, от имени общества, и обещаю это вам всем.*

Подпись: *Гринан.*

С подлинным верно: *Карналь.*

С подлинным верно: *Члены суда чести».*

Суд чести, о котором сообщал Бакунин Ришару по получении этой бумаги, обратился к Эжену Дюпону со следующим письмом:

“ «Гражданину Э. Дюпону, члену Генерального Совета в Лондоне.
Интернациональный Союз Трудящихся. Женева, апреля 1869.

Гражданин!

Весьма серьезные обвинения принесены Интернационалу в Женеве против гражданина Альбера Ришара, члена Интернационала в Лионе и делегата секции в Невилле на последнем конгрессе в Брюсселе, гражданами Кормье и Карналь, членами Лионской секции.

Центральный комитет женевских секций по ходатайству обвинителей и с согласия гражданина А. Ришара назначил суд чести, которому поручено навести все справки и вынести свое решение в этом деле,

В числе обвинительных документов против гражданина А. Ришара имеется, гражданин, один, где вы названы и привлекаетесь в качестве свидетеля и даже как бы обвинителя. Мы посылаем вам копию с него. Это рассказ о разговоре, который вы будто бы имели, по словам гражданина Гринана, с ним, и *буквальное* повторение ваших собственных слов.

Нам важно знать, произнесли ли вы эти слова, да или нет, в особенности те, которые нами подчеркнуты, и которые могли исходить из уст только человека, вполне уверенного в виновности Альбера Ришара.

Вы поймете, гражданин, что разъяснение этого пункта имеет для нас большое значение. Ваше мнение, мнение человека, по всей справедливости уважаемого, и преданность которого и услуги, оказанные союзу Интернационала, известны всем, не может послужить, конечно, основанием для окончательного осуждения, но оно будет все же иметь немалый вес в обвинении, направленном против гражданина А. Ришара. Ибо мы не можем поверить, чтобы совестливый и серьезный человек мог произнести против него столь решительные, столь жесткие слова, не имея в руках неопровержимых доказательств его виновности.

Мы просим вас поэтому, гражданин, во имя справедливости, представителями которой ныне нас сделала воля товарищей, объявить нам возможно скорее, действительно ли вы произнесли эти слова, и в случае, если вы их произнесли, ознакомить нас с фактами, послужившими основанием для столь строгого приговора, который вы сочли долгом вынести гражданину А. Ришару.

Мы надеемся, гражданин, что вы поймете наше желание получить ваш ответ возможно скорее. Наша ответственность весьма велика. Приняв на себя тягостное поручение произнести приговор над честью гражданина, члена Международного Союза Трудящихся, мы должны рассматривать каждую по небрежности потерянную минуту как преступление.

Примите наш братский привет.

Члены суда чести».

Защита Ришара, за которую горячо принялся Бакунин, увенчалась успехом. Ришар был реабилитирован; Кормье и Карналь, а вместе с ними еще четыре человека, были исключены из Лионской секции Интернационала. Но вскоре Альбер Ришар показал, что напрасно хлопотал за него Бакунин: в январе 1872 года Ришар вместе со своим другом, также бакунистом, Гаспаром Бланом, объявили себя бонапартистами.

Оригиналы писем, как мы упоминали, написаны на французском языке. Перевод сделан с копий проф. Г. А. Рачинским. Из шестнадцати писем, публикуемых нами, два отрывка (из

писем I и IV) и одно письмо (XI) были опубликованы М. Неттлау в книге «M. Bakunin. Gesammelte Werke». Berlin. 1925. Verlag Sindikalist. Band 3.

Четыре письма – 1) от 10 августа 1870, 2) 16 августа 1870, 3) 23 августа 1870 и 4) 4 сентября 1870 – опубликованы ниже в предисловии к I тому испанского издания сочинений Бакунина. («Obras completas de Miguel Bakunin». Buenos-Aires. 1924. 3 тома). Несколько отрывков из этой переписки использовано было Д. Гильомом в его четырехтомной работе «L'Internationale». Наконец, сам А. Ришар в воспоминаниях, напечатанных в № 17 (1 сентября) «Revue de Paris» за 1896 год, «Bakunin et l'Internationale à Lyon», опубликовал отрывки из писем от 7/II – 1870, 1/IV – 1870, 12/IV – 1870 и 4/IX – 1870.

Из всей пачки писем М. Бакунина к А. Ришару одно письмо, от 1 апреля 1870 года, имеется в нашем распоряжении не в полном виде.

Вяч. П. (историк-марксист)

Названия для писем, которые акцентируют на самом интересном, оставил публикатор.

I. Значение Уставов и Альянс

4 декабря 1868.

Дорогой друг, простите мое продолжительное молчание, я был завален работой. Прежде всего сообщаю вам, что центральная контора нашего нового торгового предприятия[4], которое мы основали с помощью *Юлии*[5], окончательно организована. У вас имеются программы и устав этого нового торгового сообщества. Усердно прошу вас поэтому от имени нашей конторы устроиться так, чтобы иметь возможность помочь нам в этом предприятии. Для этой цели сговоритесь с нашими друзьями в равнине[6] и предложите им устроить соответствующую контору. Когда *Ипполит*[7] сговорится хорошенько с *Анной*[8], гармония будет полной. Нам нужно добывать деньги. Займитесь нашими акциями, о которых сказано в нашей программе, а также подпиской, не забывая и об обычных поступлениях, согласно параграфу 6 устава, и не забудьте, что половина должна быть всегда отсылаема к Анне. Относительно остального вы сговоритесь с *Ипполитом*, с которым, как, я надеюсь, у вас будут всегда правильные сношения, а также с *Эдгаром* (?), дружбу с которым я вас умоляю поддерживать в особенности. – Вы пишете мне, дорогой друг, что «вы враг всяких уставов, и утверждаете, что они годятся только для забавы детей». Я совсем не разделяю вашего мнения по этому пункту. Излишняя регламентация отвратительна, и я думаю, как и вы, что «серьезные люди должны иметь заранее намеченный путь своего поведения и не должны от него отклоняться». Однако, условимся. Чтобы установить известную согласованность в действиях, необходимую, по-моему, между самыми серьезными людьми, стремящимися к одной и той же цели, требуются известные условия, известные установленные правила,

одинаково обязательные для всех, требуется соглашение, уговор, часто возобновляемый, иначе, если каждый будет действовать по своему усмотрению, самые серьезные люди в конце концов могут, должны будут прийти к тому, что, при всей доброй воле, станут мешать друг другу, парализовывать друг друга. Наступит дисгармония, а не гармония и спокойствие, к которым мы все стремимся. Надо знать, как, когда, где найти друг друга, к кому обратиться, чтобы иметь возможность воспользоваться содействием всех. Мы не богаты, и только объединив и упорядочив наши средства и наши совместные действия, мы достигнем создания капитала, способного конкурировать с объединенными капиталами наших противников[9]. Небольшой капитал, хорошо организованный, имеет большую ценность, чем большой капитал, дезорганизованный и плохо примененный. У вас уже 30 добрых друзей, несомненно, товарищей, исполненных доброй воли. Это хорошо для начала дела, но я надеюсь, что у вас будет их больше, и, чтобы извлечь из них всю возможную пользу, чтобы найти новых, не компрометируя слишком вашего капитала, вам так или иначе придется разделить их на группы. – Что я не совсем понял в вашем письме, это, что вы, восставая против мании уставов, в то же время в таком восторге от делегата равнины[10], рекомендованного вам *Исидором* (?) и сообщившего вам о существовании компании[11], значительно более регламентированной, чем наша, и вполне деспотически организованной, достойной властного духа *Луи*[12]. *Эмилия* (?) в письме ко мне отрицает, что *Мишель* (?), иначе говоря *Фредерик* (?), входит в эту компанию. Вас хотели, следовательно, обмануть; она не сомневается, что этот господин подослан к вам *Луизой*[13]. Она прибавила, что предупредила вас об этом и письмом, и через друга, которого она к вам послала. Я настойчиво советую вам, дорогой друг, писать от времени до времени *Эмили*: она прекрасная девушка, очень сдержанная и вполне преданная. Друзья собираются у нее десятого, двадцатого и тридцатого каждого месяца. Если вы напишете за день или за два до этих сроков, вы можете быть уверены, что ваше письмо будет прочтено всеми, и вы будете иметь таким образом возможность получить в ответ более подробные сведения. Впрочем, я не замедлю вас известить, когда у меня будут интересные новости. *Юлия*, *Виктор*[14], *Жан*[15] и *Жак*[16] – достойнейшие люди; я не сомневаюсь в том, что некоторые из них, в особенности два первых, а также последний, станут рано или поздно весьма дорогими друзьями для нас. *Юлия*, так сказать, уже вполне приобретена. *Виктор* еще внушает мне некоторое беспокойство, потому что он, по-видимому, более или менее тесно связан с *Луи*; впрочем, видна уже заметная перемена в его взглядах на коммерческие операции. Он уже решительно больше не дорожит той безусловной и, так сказать, диктаторской централизацией капиталов, которая является существенной частью коммерческой системы *Луи*. И по этому поводу, дорогой друг, позвольте мне сказать вам, что вы неправильно понимаете и приемы, и дух моей борьбы с диктатурой в делах. Я не желаю диктатуры одного капиталиста, или одной группы капиталистов, или одного рынка над другими. Я хочу, чтобы порядок, спокойствие в делах были результатом не единой воли, но коллективной, хорошо организованной воли многих товарищей, рассыпанных в каждой стране и во всех странах. Это значит ставить тайное, но могучее действие всех заинтересованных на место управления, исходящего от единого центра; но, чтобы эта децентрализация стала возможной, нужна реальная организация, а организация не бывает без известной регламентации, которая в конце концов не что иное, как продукт взаимного соглашения или договора. Перечитайте хорошенько наши статуты, предварительный проект которых был вам передан *Эмилией*, вы ничего другого там не найдете.

Анри[17] и два других наших друга[18] находятся сейчас в Мадриде. Что особенно благоприятно для наших дел – это то, что, по-видимому, там скоро должно воцариться полнейшее спокойствие. По крайней мере, таков вывод из, впрочем, весьма необстоятельного письма, полученного мной от одного из этих господ. Как только я узнаю что-нибудь определенное, я не замедлю вас уведомить. Гамбург[19] со своей стороны работает хорошо, он весьма деятельно и повсюду ведет организационную работу, вплоть до распространения по Германии наших образцов и программ. Вы видите, мы хорошо развиваемся, всячески и везде[20].

А теперь, дорогой друг, я хочу поговорить с вами о Женевском Интернационале. Мне поручено вместе с другими составить новый проект конституции романской Швейцарии для имеющего собраться 2 или 3 января в Женеве частичного конгресса. И кстати, скажите, пожалуйста, господину *Леону Шарди*[21], если встретитесь с ним, что некто *Аристид Кормье* [22], весьма юный человек, написал про него всякие ужасы секретарю Женевского Центрального Комитета. Я думаю, что хорошо бы его предупредить, но нужно в то же время добавить, что эти мерзости не произвели здесь никакого действия, не вызвали никакого вредного для репутации Шарди впечатления, ибо здесь его вообще любят и уважают, а этот Аристид известен за человека легкомысленного и пустоголового. Он рассказывает, будто Шарди вовсе не был правильно делегирован в Брюссель, и что он самовольно присвоил себе титул делегата. Попросите от моего лица господину Шарди никого не компрометировать и не подавать вида, что он узнал об этом гнусном доносе на него. Я ознакомился с этим конфиденциальным письмом только благодаря дружбе того, кому оно было адресовано, и не следует компрометировать ни меня, ни его. Но нам полезно предупреждать друг друга обо всем, что может быть выдвинуто против нас. Когда я узнаю еще что-нибудь в этом роде, я об этом предупрежу его через вас. А теперь вопрос: знаете ли вы некоего *Шапите* (?), когда-то сапожника, а теперь, говорят, бухгалтера и горбуна. Скажите нам, знаете ли вы его и что вы о нем знаете.

Преданный вам *Степ...*

II. Дело Ришара

11 декабря 1868.

Дорогой друг, я только что получил ваше письмо со вложением того, которое вы написали к Юлии[23]. Она в отъезде: отправилась в Париж по личному делу, в то время как я сам уехал на несколько дней в Женеву; она должна вернуться завтра. Надеюсь, что она повидалась с вами проездом через Лион, что будет чрезвычайно полезно по отношению к тому жалкому делу, которое этот бедный Аристид затевает против вас Перрон[24]

..... Этот *Аристид*[25] был здесь и только вчера покинул Женеву. Он провел в ней несколько дней и, не теряя ни минуты, распространял против вас свои клеветы во всем Женевском Интернационале. В среде последнего вы нашли хороших защитников; но вы знаете, что всякая клевета, как бы смешна она ни была, и, в особенности, когда она излагается с апломбом господина Аристида, всегда производит некоторое действие, – не на нас, это само собой понятно, но на тех, кто вас не знает. Как бы

смешна и грязна ни была вся эта история, необходимо в вашем интересе, и притом в вашем интересе по преимуществу, выяснить ее, тем более что господин Аристид рассказывал всякому встречному, что он привез с собой уничтожающие вас документы. Он знает меня только в лицо и обменялся со мной всего парой слов в Интернационале; несмотря на это, он прибежал ко мне и, не застав меня, преподнес все дело моей жене, которая приняла его за сумасшедшего.

Вот пункты его обвинения против вас:

1. Вы были исключены за интриги и недостойное поведение из Интернационала в Лионе. Завами остаются там только ославленный кабачек госпожи *Барбе*[26] и два-три друга, пользующиеся еще худшей славой, чем она.
2. Не достигнув того, чтоб секции Лиона делегировали вас в надлежащем порядке в Брюссель, вы втерлись в доверие некоторых членов секции в Невилле и мошеннически создали себе мандат от секции Невилля, подделав две подписи.
3. Вы поехали в Брюссель на деньги господина *Арлиса Дюфура*, очень богатого буржуа, иезуита, реакционера и члена Совета.
4. Вы, три или четыре недели тому назад, напечатали статью в похвалу Пресвятой Девы, подписанную Альбер Ришар, в иезуитском журнале Лиона, носящем название «L'Echo de Fourvière».

В подтверждение первого обвинения он привез документ, бумагу в две страницы, подписанную различными именами, которые, по его словам, принадлежат главнейшим членам Интернационала в Лионе. Я не помню имен, ибо все бумаги, привезенные Аристом (всего счетом три), были по моему требованию и в присутствии Филиппа Беккера, Вери, Ардена (*d'Arden*) переданы Перре. Я объясню вам дальше почему. Вторая бумага – ваш мандат, который, не знаю как, попал в его руки, – мандат несомненно подложный и носящий три подписи: вашу, утверждает он, и подпись двух других лиц, руку которых, по его словам, вы подделали. Третья бумага – отчет, действительный или подложный, делегата Лиона (не помню его имени) господину Дюпону в Лондоне. Вот что я могу сказать об обвинительных документах, принесенных этим Аристом. Я пошлю вам через несколько дней копии всех этих бумаг, со всеми именами. Он, правда, предложил передать мне все бумаги, но я отказался, чтобы иметь возможность быть вам более полезным, и потребовал, чтобы они в нашем присутствии и под нашей коллективной ответственностью были переданы Перре. Затем я предложил тотчас образовать суд чести из семи членов: 1) старого Беккера, 2) Перрона, 3) Гета (*Guéta*), 4) Перре, 5) Ардена, 6) Вери и 7) меня. Лучшего состава нельзя придумать. Мы серьезно возьмем дело вашей чести в свои руки и доберемся до корней этой клеветы. Выкорчевать ее тем необходимее, что она имеет очевидную тенденцию пускать везде ростки. Вы заметили, что Дюпон, а следовательно, и все другие лондонские члены предупреждены, а Аристид сам сказал мне, что написал в Париж Бедушу и Жаклару. Он предложил нам собрать сведения о вас у господ: Блана, ткача, Набережная Пьера Сеза, 73; М. Карналь, ткача, коммивояжера, Набережная Бонди, 23; Вендри, красильщика; Пикорию; я заставил его продиктовать мне имена, вот почему я их запомнил. Наконец, он нам сказал,

что это господина Боди, сапожник и член муниципального совета – улица Мадам, – выдал, что вы написали пресловутую статью о Святой Деве. На мой вопрос, почему он не привез с собой этой статьи, которая, раз было бы доказано, что она написана вами, сделала бы все остальные доказательства Излишними, Аристид обещал, что он нам ее немедленно пришлет.

Простите, дорогой друг, что так долго занимаю вас, да еще во всех подробностях, такой смешной и грязной историей, но я думаю, что это лучшее доказательство дружбы, какое я могу дать вам в данном случае. Надо покончить с клеветниками, надо их уничтожить, пролив возможно больше света. Но позвольте дать вам совет и обратиться в то же время к вам с просьбой. Я понимаю негодование, которое овладеет вами при чтении этого письма, но, в интересах вашей собственной чести и из чувства личного достоинства, сдержитесь; если узнают, что мы вам пишем, вы парализуете Перрона и меня, к нам станут относиться с недоверием и отведут нас, как судей. Аристид узнал, что вам писали из Женевы и что в этом письме его называли клеветником; это не оказалось полезным; потерпите еще несколько дней, и я вам обещаю, что вам будут посланы копии со всех выдвинутых против вас обвинений, со всеми именами.

Тем временем напишите нашим друзьям в Париже. Я со своей стороны сделаю то же, чтобы они были предупреждены, и чтобы никто не мог взять их врасплох. Надеюсь, что вы ответите на мое предыдущее письмо. Я весьма огорчен, что вы потеряли очки[27], облегчавшие вам чтение моих писем. Найдите их, если возможно. А пока что не могу от вас скрыть, что я несколько удивлен и даже огорчен близостью и полнейшим согласием, которое установилось между вами и парижским комиссионером Тр. и его друзьями; он по всем вероятностям не более как только любовник Луизы[28]. Вы говорите, что он разделяет все ваши взгляды; разделяет ли он наши, и покинете ли вы нас, чтоб присоединиться к нему? По тому, что вы мне сказали о способе, которым он и его друзья устроили свои дела, я не понимаю, что вы, который, как мне кажется, на него не походите, всецело отдались ему. Впрочем, если вы считаете для себя возможным отдаваться вслепую комбинации, первоосновы которой от вас систематически скрывают, то вы, конечно, свободны это делать, но мы не можем последовать за вами, и тогда что ж? Мы расстанемся. Ибо вы сами поймете невозможность для вас принадлежать в одно и то же время к двум коммерческим предприятиям, различным, и которые несомненно принуждены будут вступить в конкуренцию друг с другом. Прошу вас, дорогой друг, если еще не поздно, не спешите покидать нас в поисках иной любви и не протягивайте руку комбинации, прежде чем вы не убедитесь, что она не только соответствует вашим взглядам, но и всецело сходится со взглядами ваших друзей как в Женеве, так и в Париже. Итак, пишите регулярно в Париж и постарайтесь столкнуться по этому вопросу с нашими друзьями. Надеюсь, что вы не посетуете на меня за эти замечания и увидите в них еще раз доказательство искренней дружбы.

Преданный вам *Степ...*

Мой усердный поклон госпоже Барбе

III. Дело Ришара. Интернационала как основа

22 декабря, вторник, 1868.

Дорогой мой друг. Ваше письмо совершенно осчастливило меня, доказав мне, что я имею в вашем лице друга и брата, на которого я могу безусловно положиться и рассчитывать. Согласие у нас полное. С нетерпением жду бумаг, о которых вы мне сообщаете. Ваше дело должно рассматриваться в Центральном Комитете сегодня[29]. Для вас лучше, чтобы кроме суда чести, составившегося по собственному почину по большей части из членов Союза, Комитет Интернационала составил бы специально свою комиссию, ибо Интернационал – это наша общая мать, мы только ее ветвь, ее дитя. Мы позаботимся о том, чтобы членами этой комиссии были люди столь же серьезные и разумные, как и честные, и чтобы они энергично повели это дело. Будьте потому спокойны, ваша честь – наша честь. Мы постараемся, чтобы новая комиссия прямо обратилась к вам, официально сообщив вам о всех выдвинутых против вас обвинениях и послав вам копии со всех присланных сюда бумаг, с подписями. Не удивляйтесь, что я так долго не отвечал вам: я, все мы завалены работой; вы знаете, а может быть, и не знаете, что в Базеле *очень серьезная* забастовка. Буржуа грозятся и ставят под вопрос самое существование Интернационала, насчитывающего, благодаря этой забастовке, около 7.000 членов в этом городе. До забастовки насчитывалось немного более 2.000. По этому поводу в субботу 19-го состоялось чрезвычайное собрание Центрального Комитета, а в воскресенье 20-го общее собрание, всенародное, которое великолепно удалось. Оно выбрало постоянную комиссию для связи с Базелем – я в нее вошел – и вотировало воззвание к трудящимся Базеля. Я пошлю вам завтра не экземпляр его, но копию. Ваш Лионский Интернационал так дезорганизован, что не знаешь, к кому обратиться по этому случаю. Напишите мне, пожалуйста, всю правду о современном положении этой ассоциации в Лионе. Сколько имеется враждебных организаций, сколько каждая из них насчитывает членов, какие у них комитеты, и к которому из них следует обратиться? К которой из организаций принадлежат члены Союза? Ибо надеюсь, что они не вышли из Интернационала. Это было бы очень печально, так как Интернационал, как бы то ни было, представляет единственное основание, на котором мы можем и должны строиться, ибо он объединяет на практической почве всех трудящихся мира реальной солидарностью их повседневных интересов. Ответьте мне, прошу вас, возможно скорее на все эти вопросы. В другом письме поговорю с вами о других вопросах. А пока целую вас и жму руку всех друзей. Поблагодарите госпожу *Виржини* за ее милое письмо; только скажите ей по-дружески, что есть вещи, которые надо делать, но о которых не пишут.

Весь ваш...

IV. Дело Ришара

Женева, пятница, 9 апреля 1869.

Дорогой друг. По твоему процессу ведется следствие, и скоро это дело будет рассмотрено судом. Виржини им занимается и действует энергично.

Это она посылает тебе два прилагаемых документа.

Теперь ты можешь заявить, что получил все документы, составляющие обвинение, и ответить на них, как сочтешь нужным, вызвать свидетелей и так далее.

Впрочем, последним написали, по крайней мере тем, адреса которых и имена имелись, то есть главнейшим из них.

В остальном наши дела идут хорошо; я не мог приехать в Париж по своим личным делам, но буду, вероятно, принужден совершить это путешествие к концу месяца.

Скажи госпоже Барбе, что только обстоятельства, в которых мы находились, помешали нам напечатать ее письмо вовремя.

V. Дело Ришара. Характеристика людей

14 апреля 1869.

Дорогой друг. Несколько месяцев прошло с тех пор, как я написал вам мое последнее письмо. Мое молчание имело различные причины. Главная, конечно, тот кризис, которого мы не могли избежать и который закончился благополучно, раз он имел результатом устранение нескольких лиц, которые наши только по имени, а в действительности отделялись от нас своей теорией и особенно всей своей практикой, чем только скрепил узы, которые нас соединяют с вами. Мы так стремились не потерять вас, что просили нашего друга Т. (?) повидаться с вами. Его посещение вас было чрезвычайно удачно, и все, что он нам рассказал по возвращении своем, исполнило нас радости и внушило нам большую веру в будущее. Вы удивляетесь, быть может, нашему молчанию после его возвращения из Лиона. Но вот объяснение его: мы надеялись, что двум нашим друзьям возможно будет съездить к вам, и поэтому я со дня на день откладывал письмо, которое собирался написать вам. Их поездка непременно состоится, но не ранее конца этого месяца, и, отлагая все подробности к тому времени, я не хочу и не могу дольше не писать вам, хоть для того, чтобы подать вам знак, что я жив, и получить такой же от вас.

Что касается жалкого обвинения, которое возбудили против вас, мы, поверьте, с ним расправимся и в скором времени. Мы приняли все меры, чтобы иметь возможность вынести наше окончательное решение в первых числах мая, предупредив господ *Карналя* и *Кормье*, чтобы они выслали нам все доказательства, подтверждающие их обвинение против вас, до 1 мая; что может нас немного задержать, это, пожалуй, ответ господина Дюпона в Лондоне на письмо, с которым мы к нему обратились и копию с которого вам переслал Перрон[30]. Возможно, что, почувствовав себя в несколько затруднительном положении, он промедлит присылкой нам ответа. А теперь, дорогой друг, раз вы получили официально все документы по обвинению против вас, вы имеете полное право использовать их в смысле гласности, как

вам будет угодно. С этой же почтой я посылаю господину *Паликсу* копию с обвинительного акта против вас, а также с разговора *Гринана* с Э. Дюпоном. Я думаю, что вы отлично поступите, если по поводу него потребуете лично объяснений от господина Э. Дюпона, который, как мне сдается, хотел сыграть двойную игру. Итак, напишите ему и потребуйте от него объяснений по поводу «буквальных» слов, которые ему приписывают и которые содержат не более, не менее, как чудовищный приговор, брошенный вам. Пусть господин Дюпон даст объяснение: произнес он их, эти слова, да или нет? Мы выслушаем его, и если мы найдем его виновным в легкомыслии, или в клевете, то несмотря на то, что он член Генерального Совета, мы осудим его, как и остальных клеветников, и обнародуем наш вердикт в «*Égalité*». Мне нет надобности говорить вам, что это письмо совершенно конфиденциально, и что вы не должны показывать его *никому*. Только уверенность в том, что все, что мы говорим, остается между нами, дает нам возможность говорить друг с другом откровенно. Ах! дорогой друг, отчего вы расстались с вашим словарем[31]. Мне столько надо вам сказать. Вы, конечно, обратили внимание на полемику, возникшую между «*Égalité*» и госпожой *Андре Лео*, поддерживаемой господином *Эли Реклю*. Но что вы, вероятно, не представляете себе, – это, что *Малон* становится на сторону госпожи *Андре Лео* и буржуазного социализма всего ее кружка. Он дошел даже до того, что приглашает нас взять назад тот столь строгий, но столь справедливый и вместе с тем столь вежливый по форме приговор, который мы вынесли против них. Должен вам признаться, дорогой друг, что после поездки к нам *М.*[32], сплетен, которые он себе позволил, и его слабостей, впрочем, совершенно платонических, к драматическим и сентиментальным непоследовательностям прекрасного пола, я потерял всякую веру в него, и никто из нас уже не смотрит на него, как на нашего. Его можно использовать, конечно, но при условии не пускать его в нашу среду. Это – предательская натура, помимо воли и сознания, предательская по слабости и тщеславию. Пусть нас будет мало, но людей последовательных, верных и искренних, и каковы бы ни были наши симпатии к тем или другим лицам, мужчинам или женщинам, раз они не были единодушно признаны нашими, будем перед ними молчать, как рыбы, обо всем, что касается наших дел. Это верховный закон, сделаем для себя вопросом чести соблюдать его. Пожмите руку госпоже *Виржини* и скажите ей, что мы все очень благодарны ей за ее статью. Так и надо говорить, но особенно так надо действовать. Прощайте, пишите мне по старому адресу, скоро узнаете все подробности от друзей.

Преданный вам *Степ...*

Сжигайте письма: это – ребяческая и опасная сентиментальность хранить их.

VI. Рутина

24 июля 1869.

Дорогой и многоуважаемый друг. Согласно вашей просьбе, 20 заявлений о присоединении и книжек, а также коробка сигар вам посланы, равным образом приняты меры, чтобы уведомления поступали к вам более правильно, а также и к тому, другому лицу. Мы сообщили самые подробные сведения и подали самые мудрые советы госпоже *Ла-Мотт*[33], а

также тому лицу, которое нам должно 134 франка, не забывая, конечно, и господина Ру[34]. Все это сделано, мой уважаемый и дорогой, со всей возможной точностью, и мы имеем основание надеяться на хорошие результаты. Мы можем только приветствовать вашу разумную и упорную деятельность, и надеемся, что, когда 134 франка будут вам уплачены, мы будем иметь возможность встретиться с вами в сентябре. Мы сильно рассчитываем как на вас, так и на других наших друзей.

Вокерн.

VII. Доктринеры на Базеле

29 июля 1869.

Дорогой друг. Я написал тебе письмо 24-го и отправил его тебе 25-го через твоего друга *Джузеппе* (?). Надеюсь, ты его уже получил. Это правда, что я страшно занят, но не настолько, чтобы не отвечать своим друзьям. Все, о чем ты нас просил, 20 образчиков и записные книжки, а также сигары отправлены тебе Шарлем[35]. Мы строго-настрого наказали регулярно посылать тебе уведомления, мы еще энергично подтвердим наше распоряжение. Я написал повсюду решительно всем нашим друзьям, назначил съезд на 6 сентября. Постарайтесь приехать в возможно большем числе. Ибо немцы проявляют кипучую деятельность, и я боюсь, что они внесут в Базельский конгресс много доктринерства и буржуазного социализма.

Отвечай и главное сообщи мне, как были приняты наши посылки, а также мое предыдущее письмо.

Твой преданный *М. Б.*

VIII. Рутиня. Генеральный Совет и Альянс

11 января 1870.

Дорогой друг. Уже около трех недель, как я послал тебе письмо через друга *Джузеппе*[36] в ответ на то, которое ты мне написал после посещения тебя друзьями, и мне не только любопытно, а я прямо с нетерпением желаю узнать, получил ли ты его. Я получил, наконец, письмо от *Stepney*. Оно решительно отрицательно и сухо, и огорчительно, и глупо до чрезвычайности. Мне сдается, что все мы, сколько нас есть, не пользуемся особым расположением в Лондоне[37]. Наши прямые и искренние приемы им не по вкусу. Но не огорчайся, дорогой друг, я жду в этом месяце очень богатого и довольно расположенного ко мне родственника и рассчитываю на него значительно более, чем на всех других. А пока что пишу тебе длинное письмо в ответ на все вопросы, которые ты мне поставил. Я пишу тебе немного медленно, потому что очень занят по утрам переводом[38], который я делаю для

заработка, а по вечерам серьезной перепиской по поводу дел госпожи С. В.[39]. Я получаю очень интересные письма от господина и госпожи Е. Ф.[40]. Они работают хорошо, очень хорошо, идут, не отклоняясь, прямым путем, единственно практичным, единственно плодотворным. Госпожа П.[41], напротив, огорчает меня: никого-то нет, госпожа D. U.[42] решительно строгая и сентиментальная вольнодумка, госпожа D. T.[43] уже представляет нечто более серьезное. Жаль, что «Труд» перестал выходить. Что касается Рошфора и его «Марсельезы», то это мыльный пузырь, пустой звук. В ожидании моего письма и лучших новостей, чем те, которые я могу сообщить тебе сегодня, пиши мне, пожалуйста. Поклонись от меня г. D. Z.[44].

Преданный тебе М. Б.

Пиши мне по следующему адресу:

Швейцария, Тессинский кантон (Тичино), *Локарно*, г. Анжело

Беттоли, для г-жи Стефани.

IX. Россия. Коллективизм в революционной организации

7 февраля 1870.

Мой брат и друг. Прости мне мое долгое молчание, и ты, я в том уверен, мне его простишь, когда узнаешь его причину. На ваш вопрос, госпожи В. Z.[45] и твой, я вам отвечу: да, положение дел господина А. S.[46] весьма серьезное и станет еще серьезнее весной. Его крах неминуем. Что из этого получится, один бог ведает! Будет ли то неудавшееся злостное банкротство? Будет ли то откровенное полное банкротство? Угадать невозможно. Одно несомненно, что положение крайне серьезно, и что через месяц, самое большее через два, произойдет скандал. Я был всецело поглощен его делами весь месяц. У меня не было ни одной свободной минуты, чтобы написать письмо. Мы сделали все, что только можно было сделать, лук натянут – стрела полетит, и тогда мы увидим, что случится. Нам не в чем будет упрекнуть себя, ибо мы выполним свой долг до конца.

Ах! мой дорогой, как эти ребята[47] работают, какая дисциплинированная и серьезная организация и какая мощь коллективного действия, где все личности стираются, отказываются даже от своего имени, от своей репутации, от всякого блеска, от всякой славы, принимая на себя лишь риски, опасности, самые суровые лишения, но в то же время сознавая, что они – сила, что они действуют. Ты помнишь моего молодого дикаря? Ну, так он вернулся. Он совершил такие подвиги, что у вас даже не поверят. Он перенес ужасные мучения: схваченный, избитый до полусмерти, затем освобожденный, он снова принимается за старое с удвоенной энергией. И все они таковы. Личность исчезла, а на месте личности – невидимая, неведомая, вездесущая рать, действующая повсюду, каждый день умирающая и каждый день возрождающаяся, их хватают десятками, они возрождаются сотнями; гибнут

личности, но рать бессмертна, и мощь ее растет с каждым днем, ибо она пустила глубокие корни в мире черных рук и черпает из этого мира бесчисленное множество рекрутов.

Вот та организация, о которой я мечтал, мечтаю до сих пор и которую хотел бы видеть и у вас. К несчастью, вы еще в периоде индивидуального героизма, потребности индивидуального красования, в периоде драматических эффектов и красивых исторических выступлений. Вот почему власть ускользает из ваших рук и от ваших действий остается лишь шум и фраза. Не пишешь ли ты мне, что если я того пожелаю, то могу сделаться Гарибальди социализма? Очень мне надо сделаться Гарибальди, да и вообще играть роль! Дорогой мой, я умру, и меня съедят черви. Но я хочу, чтобы наша идея восторжествовала. Я хочу, чтобы черные руки были действительно освобождены от всех властей, от всех героев настоящих и будущих. Для торжества этой идеи я хочу не выставления, более или менее драматического, моей собственной персоны, я хочу не *моей* власти, а *нашей* власти – власти *нашего* коллектива, *нашей* организации, *нашего* коллективного действия, ради которых я первый готов отказаться от своего имени, от своей личности, вычеркнуть их. Дорогой мой, время исторических и блестящих личностей прошло, и тем лучше. В этом истинный залог торжества демократии. Посмотри, с какой быстротой личности поглощаются, пожираются коллективом, растворяются в нем, в этом исполине в нескольких миллионах голов, имя которому – народ. И, повторяю, так лучше! Вглядись хорошенько в характер нашей эпохи – наблюдается характерная оппозиция массы против всякой власти и против всякой личности, которая захотела бы навязать свое влияние. И масса права – она действует в согласии с нашей программой. Ни одна личность уже не будет иметь никакой власти – больше не будет ни общественного порядка, ни общественного интереса. Что же должно занять их место, дабы революционная анархия не привела к реакции? – Коллективное действие невидимой организации, раскинутой по всей стране. Если мы не создадим этой организации, мы никогда не выйдем из состояния бессилия. Ты, который любишь размышлять, неужели ты не задумывался над главной причиной могущества и живучести иезуитского ордена? Хочешь, я тебе ее назову? Так вот, мой милый: она заключается в полном растворении личности в воле, в организации и действии коллектива. И я спрашиваю себя, разве это уж такая огромная жертва для людей истинно сильных, страстных и серьезных? Это – принесение в жертву видимости ради действительности, пустого честолюбия – ради подлинной власти, фразы – ради действия, жертва, которую я постоянно требую от всех наших друзей, и пример которой я первый готов показать. Я не хочу быть «Я», я хочу быть «Мы», я буду повторять это тысячу раз; лишь при этом условии мы можем восторжествовать, восторжествует наша идея. И вот! Это торжество и есть единственная моя страсть![48]

Вот, дорогой друг, предисловие к длинному письму, которое я тебе пришлю, когда мои дела мне позволят его закончить. Я со дня на день поджидаю прибытия богатого кузена и преисполнен надежд. Итак, потерпи немного.

Друзья уговаривают меня посетить госпожу П.[49]. Да, но после прибытия кузена. Что касается господина D. U.[50], то я хорошо сделал, что не тотчас тебе ответил, ибо тем временем ты успел переменить о нем свое мнение. Его, однако, не следует окончательно отвергать, но хранить его не в самом сердце, а в жировом покрове, окружающем его снаружи. Точно то же я скажу и о госпоже D. U.[51]: не как о личности – он очарователен, но с точки зрения коллектива: тут он бесполезен и даже вреден – он действует

деморализующим образом; это – существо, которое никогда не выйдет из инертного состояния и сентиментальность которого всегда будет направлять его в сторону буржуазного социализма. Дорогой мой, я говорю на основании опыта, – уверяю тебя, что я очень его люблю, но я еще больше люблю наше дело, которому нельзя отдаваться наполовину. Или все, или ничего; и вот, ему никогда не удастся сложиться в это «все». Он деморализован кружком *Эли Реклю* и госпожи *Андре Лео*, этой нимфы Эгерии их всех, которая в свою очередь деморализована социалистом-миллионером, последователем Сен-Симона, Шарлем Ле Морнье. Итак, моя серьезная просьба: дорогой друг, не допускай господина и госпожу D. U.[52] в недра нашего круга, *но так, чтобы они того не замечали*. Если держать их на передовых укреплениях, они могут быть полезны и при случае использованы.

Для того, чтобы пустить в ход *большие средства*, надо сперва иметь хотя бы *небольшие средства*, а таковые, я надеюсь, в скором времени найти с приездом моего кузена (?). Г-жа D. T.[53] прекрасная и полезная особа, но она далеко еще не всецело наша. Видел ли ты господина I. S. (?), который поехал навестить госпожу П.[54]. Он нам может быть очень полезен у себя, хотя он далеко еще не сильный человек. У него ум микроскопический, а не телескопический. Признаться сказать, из всех друзей, кроме, конечно, друзей господина A. S.[55], более всего я доволен господином и госпожой E. F.[56]: они поняли, что для того, чтобы сделаться силой, необходимо коллективное действие, которое невозможно без серьезной организации, последняя же, в свою очередь, невозможна без соблюдения устава. – Они его соблюдают и достигают неслыханных успехов. Кстати, господин E. F.[57] жалуется, что ты мало, или даже вовсе не занялся одним соотечественником, которого он тебе рекомендовал, и который, по его словам, вернулся столь же глупым, то есть столь же (не разобрано) в политике, и столь же мало социалистом, как и уехал.

Addio! отвечай поскорее и не теряй терпения. Небо в конце концов несомненно нам улыбнется, и как только небесная роса выпадет, я направлю ее на твою главу. Да здравствует коллектив, да здравствуют.....! Когда будешь писать госпоже D. Z.[58], передай ей мой братский поцелуй.

Сожги это письмо.

Твой М. Б.

Х. Письмо французским рабочим. Союз с буржуазией, Революция и коллективная диктатура

12 марта 1870. Женева.

Дорогой друг и брат!

Обстоятельства, не зависящие от моей воли, мешают мне приехать, чтобы принять участие в вашем большом собрании 13 марта. Но мне не хотелось бы пропустить его, не высказав моим французским братьям моих мыслей и пожеланий.

Если бы я мог присутствовать на этом величественном собрании, вот что я бы сказал французским рабочим со всей той *варварской* откровенностью, которая характеризует русских демократов-социалистов.

Рабочие! Отныне рассчитывайте только на себя. Не деморализуйте и не парализуйте своей все возрастающей силы обманчивым союзом с буржуазным радикализмом. Вам больше нечего ждать от буржуазии. Политически и морально она умерла. И от всех ее исторических великолепий у нее осталась одна лишь сила, сила богатства, основанного на эксплуатации вашего труда. Некогда она была велика, она была отважна, она была сильна мыслью и волей. Перед ней стояла задача разрушить один мир и создать другой, – мир современной цивилизации.

Вашими руками она разрушила феодальный мир, и на ваших плечах она основала мир новый. И, естественно, она желает, чтобы вы навеки оставались кариатидами[59] этого мира. Она хочет сохранения его, вы же хотите, должны хотеть, его низвержения, его разрушения. Что же между вами общего?

Неужели вы будете настолько наивны, чтобы поверить, что буржуазия когда-нибудь согласится добровольно отказаться от того, что составляет ее благополучие, ее свободу, самое ее существование, как класса, экономически отделенного от экономически поработанной массы пролетариата? Конечно, нет. Вы знаете, что правящий класс никогда не выносил сам себе приговора, что всегда ему в этом приходилось помогать. Знаменитая ночь 4 августа[60], честь которой напрасно приписывали всецело французскому дворянству, разве она не явилась вынужденным последствием всеобщего восстания крестьян, которые сжигали дворянские грамоты, а с ними вместе и замки.

Вы прекрасно знаете, что они предпочтут тысячу раз прибегнуть к защите парламентской лжи, а в случае нужды – и к защите новой военной диктатуры, чем согласиться даровать вам условия серьезного экономического равенства, единственные условия, приемлемые для вас.

Но, в таком случае, чего можете ожидать вы от буржуазного республиканизма? Что можете вы выиграть от союза с ним? Ничего! А потеряете вы все, ибо вы не могли бы вступить с ним в союз, не отказавшись от святого дела, единственного великого дела наших дней: дела окончательного и полного освобождения пролетариата.

Настало время провозгласить полный разрыв. Лишь этой ценой вы можете спастись.

Значит ли это, что вы должны оттолкнуть всякого, кто родился и воспитывался в буржуазной среде, но, проникнутый справедливостью вашего дела, придет к вам, чтобы ему послужить, чтобы помочь вам добиться его торжества? Напротив, примите его как друга, как брата, лишь бы желание его было искренно, и он дал бы вам гарантии как теоретические, так и практические, искренности своих убеждений. В области теории он

должен громко и безоговорочно провозгласить все принципы, последствия и условия серьезного экономического и социального равенства всех людей. В области практической он должен решительно и окончательно порвать все отношения экономического интереса, чувства и честолюбия, связывавшие его с буржуазным миром, осужденным на смерть.

Ныне вы носите в себе все элементы той силы, которая призвана обновить мир. Но элементы силы еще не составляют самой силы.

Чтобы сделаться силой реальной, эти элементы должны быть организованы, а для того, чтобы эта организация соответствовала своему основанию и своей цели, она не должна принимать в свою среду никакого чуждого ей элемента. Поэтому вы должны устранять из нее все, что присуще цивилизации, юридической, политической и социальной организации буржуазии. Даже если бы буржуазная политика была красна, как кровь, и горяча, как раскаленное железо, если она не ставит себе непосредственной и прямой целью разрушение права собственности и политического государства – этих двух твердынь, на которые опирается все господство буржуазии, ее торжество могло бы быть только гибельным для дела пролетариата.

Впрочем, буржуазия, которая дошла до крайних пределов интеллектуального и морального бессилия, не способна сама по себе совершить в наши дни революцию. Один лишь народ хочет ее и способен совершить ее. Чего же хочет эта передовая часть буржуазного класса, в лице либералов или демократов с исключительно политическим уклоном? Она хочет завладеть управлением народного движения, дабы еще раз обратить его себе на пользу, или как они сами говорят, чтоб спасти то, что они называют основами цивилизации, то есть спасти самые основы господства буржуазии.

Дадут ли рабочие себя снова одурачить? Нет! Но, чтобы не дать в обман, что они должны сделать? Воздержаться от всякого участия в буржуазном радикализме и организовать вне его силы пролетариата. База такой организации имеется уже налицо: это – мастерские и союзы мастерских; создание касс сопротивления, как орудия борьбы против буржуазии, и их объединение, не только национальное, но и интернациональное. Создание, по примеру Бельгии, камер труда.

А когда час революции пробьет – ликвидация буржуазного государства и общества вместе с его юридическими отношениями. Анархия, то есть подлинная, открытая народная революция, – анархия, юридическая и политическая, и экономическая организация снизу доверху и от периферии к центру торжествующего мира трудящихся.

А для того, чтобы спасти революцию, чтобы привести ее к благополучному завершению – в самой среде этой анархии действие коллективной диктатуры, невидимой, не облеченной никакой властью, но тем более действенной и могущественной, – естественное действие всех революционеров-социалистов, энергичных и искренних, рассеянных по всей поверхности страны, по всем странам, но крепко спаянных единой мыслью, единой общей волей.

Такова, дорогой мой, единственная, на мой взгляд, программа, смелое проведение которой приведет не к новым разочарованиям, а к окончательному торжеству пролетариата.

М. Бакунин.

XI. Реакция в Женевском Интернационале

1 апреля 1870 года[61].

[1] Я все еще нахожусь здесь и со дня на день жду известия о прибытии родственника, о котором ты знаешь, чтобы выехать к нему навстречу.

В Женевском интернационале полная реакция. За мое отсутствие фабрика[62] восторжествовала по всей линии, и не нашлось никого, чтобы помешать этому торжеству. «Égalité» превратилась в реакционную газету. Вот ее программа: кооперация и местническая политика буржуазного радикализма. Отныне Женевский интернационал будет играть только роль ступеньки для возвышения разных Перре и Гросселинов. Папа Беккер, ослабевший вследствие преклонного возраста, поплелся на буксире реакции: он тоже высказывается за местную политику.

Но душой и интриганским заправилой всего этого реакционного заговора является нечто вроде моего соотечественника, русский еврей Утин[63], тот самый, которого ты видел в Базеле. Это мелкий честолюбец худшего сорта. Завидуя созданной мне славе, он воспользовался моим отсутствием для того, чтобы оклеветать меня здесь самым гнусным образом, распространяя на мой счет самые нелепые слухи и самые грязные инсинуации. Ума у него нет, он неспособен сформулировать ни одной мысли, но он не лишен известного интриганского искусства, он льстив, пронырлив и неутомим в интриге. Сначала он обхаживал Перрона; теперь же он с ним даже не раскланивается. Он в дружеских отношениях с Перре, с Гросселином, с Дюпле, с Кроссе, со всей грязной реакционной компанией, которой он пользуется для своего выдвижения. Благодаря им он посылается в качестве делегата от трех секций на съезд романской Швейцарии, который должен открыться 4 апреля в Шо-де-Фоне, и, кроме того, избран в делегаты «Редакционной комиссией» «Égalité». Этот конгресс будет иметь весьма важное значение для будущности Интернационала в романской Швейцарии. Бой будет там ожесточенный. Он произойдет главным образом по вопросу *о воздержании или участии рабочих в местной политике*. Мы все, горные секции, стоим за воздержание. Женевские рабочие, в собственном смысле «фабрика» – за участие. В данный момент их представителем, их чемпионом является Утин.

Почти решено, что или наши горные друзья победят, и тогда федеральный совет и редакция «Égalité» будут переведены к нам, или же, если наши друзья потерпят поражение, то горные секции, а с ними, быть может, секции Лозанны, Веве, Невшателя, Берна, отделятся от Женевы для того, чтобы образовать отдельную федерацию. С своей стороны, женевская «фабрика» во всеуслышание заявила, что, если конгресс отвергнет участие в местной

политике, она отделится от горных секций. Утин является редактором женевского проекта и будет его главным защитником. Если Женева одержит вверх, и если «Égalité» останется за ней, то Утин будет ее редактором.

Он, конечно, воспользуется этим, чтобы завязать сношения с французским социализмом[64]. Поэтому, дорогой мой, я решительно, настойчиво прошу тебя, во имя нашей *близости*, предупредить всех наших французских друзей и в особенности госпожу D. T.[65], госпожу D. Z.[66], господина E. A.[67], господина D. U.[68], не забывая господина D. Z.[69] об этой грязной и реакционной интриге. Утину должен быть объявлен бойкот со стороны нашего близкого круга как зловредной твари, и все хорошие люди, все те, кто прямо или косвенно идет с нами, должны остерегаться его, как чумы. Ибо его интрига вкрадчива, коварна, разрушительна. Предупреди же об этом всех тех, кто находится под твоим влиянием или под влиянием наших друзей.

Если наша партия потерпит поражение, то произойдет раскол и самостоятельная организация горных секций, а в таком случае нашим органом будет не «Egalité», а «Le progrès du Locle» («Локльский Прогресс»), который будет тогда перенесен в Невшатель под редакцией Гильома. В этом случае нам придется поддержать «Прогресс» своими корреспонденциями и доставлением ему многочисленных абонентов.

(1) Кроме местного значения, борьба, которая разразится в Шо-де-Фоне, будет иметь огромное международное значение. Она будет прообразом и предвестником борьбы, которую нам придется вести на будущем конгрессе Интернационала.

Желаем ли мы большой политики международного социализма или мелкой политики радикальной буржуазии, пересмотренной и подправленной с точки зрения обуржуазившихся рабочих?

Желаем ли мы упразднения буржуазных отечеств и политических государств и создания всемирного государства, социалистического и единого?

Желаем ли мы совершенного освобождения работников, или только улучшения их судьбы? Желаем ли мы создать новый мир или подновить старый?

Таковы вопросы, какие мы должны изучить и подготовить к ближайшему конгрессу.

Вы, Лионская секция, предложите их Лондону. На нашей стороне будут испанцы, бельгийцы, итальянцы, швейцарские горные секции и, я надеюсь, большинство французов. А против себя мы будем иметь не рабочие массы (*non les instincts ouvriers*), но коалицию и союз вождей социал-демократической партии, и под влиянием этих самых немецких вождей, по большей части евреев, то есть эксплуататоров и буржуа, включая и школу Маркса, против нас будут также английские и американские делегаты. Сомкнем же наши ряды и будем готовы к бою, так как дело идет о триумфе Интернационала и революции.

Марксисты. Диктатура или Анархия в Революции. Коллективная диктатура.

Либкнехт продолжает себя вести вероломно по отношению ко мне и вообще ко всем русским революционерам. Правда, он перепечатал мой «Призыв к русской молодежи» (Appel aux jeunes Russes) и письмо Нечаева, но в то же время он опубликовал против нас статью, одновременно глупую и подлую, написанную пройдохой, которого зовут Боркгейм, маленьким евреем, орудием Маркса. Заметь, что все эти наши враги, все эти шавки – евреи: Маркс, Гесс, Боркгейм, Либкнехт, Якоби, Вейсс, Кон, Утин и многие другие – евреи. Все они принадлежат к этой предприимчивой, интриганской, эксплуататорской и буржуазной нации – по традиции и по инстинкту. Маркс, самый достойный среди них, обладает большим интеллектом, но в то же время следует признать, что он совершенно неуживчивый человек, отвратительный характер, тщеславный, раздражительный, завистливый, подозрительный, скрытный, вероломный, способный на все и интриган донельзя, как, впрочем, все евреи. Я начал серию писем в ответ всем этим еврейским и немецким шавкам. Я хочу покончить с ними. Первое письмо[70], уже законченное, переводится на немецкий и появится в «Volksstaat», в немецкой социал-демократической рабочей газете, редактируемой Либкнехтом. После этого я его напечатаю по-французски в «La Marseillaise» и в «Le Progrès» в Локле. Прошу тебя, обрати внимание друзей на эти письма.

[2] Прочел ли ты внимательно и дал ли прочитать нашим главным друзьям *все* письмо, которое я недавно переслал тебе через Швицгебеля, особенно вторую часть, заключение? Мне очень хочется получить от вас вполне определенный ответ на это заключение.

(2) Ты все твердишь: в основных пунктах мы согласны. Ах, друг мой, боюсь я, что именно в отношении основных пунктов у нас нет и тени согласия. По последним твоим письмам и известиям о тебе я вижу, что ты больше чем когда-либо стал сторонником централизации и революционного государства: Я же больше чем когда-либо – его противник; я вижу спасение только в революционной анархии, руководимой всецело незримыми коллективными силами, в единственной диктатуре, которую я приемлю, ибо только она совместима со свободным и целостным ходом революционного движения.

Твой план революции может быть сформулирован в следующих словах: коль скоро в Париже вспыхнет революция, Париж временно организует революционную коммуну. Тот час поднимаются Лион, Марсель, Руан и другие крупные города и немедля пошлют своих революционных представителей в Париж, где вместе они образуют нечто вроде национального конвента, либо *комитета народного спасения* для всей Франции. Сей комитет декретирует революцию, декретирует уничтожение старого государства, ликвидацию прежних социальных отношений, коллективную собственность, и организует революционное государство, довольно сильное для того, чтобы подавить реакцию внутреннюю и внешнюю. Такова твоя мысль, не так ли?

Наша мысль, наш план прямо противоположен этому. Прежде всего, ни в какой мере не доказано, что революционное движение должно вспыхнуть именно в Париже. Не так уж маловероятно, что оно начнется в провинции. Допустим, однако, что, согласно традиции,

зачинщиком будет Париж. По нашему мнению, Парижу надлежит взять в свои руки одну лишь негативную, то есть открыто-революционную, инициативу, инициативу разрушения и ликвидации, но никак не организации. Если Париж восстанет и победит, в его праве и на его обязанности будет – провозгласить полнейшую ликвидацию политического, правового, финансового и административного государства, банкротство государственное и частное, уничтожение всяких сил, функций и властей государственных, сожжение всех бумаг, официальных и частных документов. Париж, конечно, поспешит сорганизоваться в единое, более или менее революционное, целое. После того, как ассоциации объединившихся рабочих наложат руку на все орудия труда, на капитал во всех его видах, на здания, едва вооружатся они и организуются по улицам и районам, будет создана революционная федерация всех районов Парижа, федеративная коммуна. Коммуна сия вправе будет заявить, что она не считает себя вправе руководить и командовать Францией, что она призывает народ и все союзы Франции и того, что прежде называли «заграницей», последовать примеру Парижа, произвести у себя на местах столь же коренную революцию, революцию, разрушающую государства, юридические права и привилегии собственности, а затем – объединиться в федерацию. Коммуна предложит этим французским, а также заграничным союзам по завершении революции этой, федерироваться с ней, в Париже ли, в другом ли каком месте, дабы все французские и иностранные революционные союзы прислали своих делегатов для совместной организации производственно-обменных отношений, что необходимо для создания учредительной хартии равенства, краеугольного камня всякой свободы, хартии чисто отрицательного характера, которая бы куда точнее установила, что подлежит полному уничтожению, нежели положительные формы жизни на местах, каковые могут выработаться лишь путем живого практического опыта мест. Вместе с тем, как оружие революции организована будет дружная оборона против врагов революции, деятельная пропаганда последней и практическая революционная солидарность со всеми друзьями всех стран против врагов всех стран.

[3] Провинция, по крайней мере главные центры, вроде Лиона, Марсея, Сент-Этьена, Руана и других, не должны ждать парижских декретов для того, чтобы восстать и дать себе революционную организацию. Они должны подняться одновременно с Парижем и делать то, что должен делать Париж: отрицательную революцию и первоначальную организацию путем стихийного движения, так, чтобы федеральному революционному собранию делегатов от провинций и коммун не приходилось организовывать Францию, а чтобы оно явилось выражением организации, самочинно созданной на местах, – я имею в виду революционизированные центры, а не те пункты, которые еще будут пребывать в состоянии реакции.

(3) Одним словом, революция повсеместно должна быть независима от центра, каковой центр лишь ее выражением и продуктом должен быть, но не источником, не руководством и не первопричиной.

Необходимо, чтобы наступила анархия, излом всех местных страстей, пробуждение самочинной жизни повсюду достигли своего апогея, дабы революция живой, истинной и могучей была и осталась.

Революционеры-политиканы, приверженцы диктатуры, желают после первых побед успокоения страстей, хотят порядка, доверия масс, подчинения созданным на пути революции властям. Таким образом провозглашают новое государство. Мы же, напротив, будем питать, пробуждать, разнуздывать страсти, вызывать анархию к жизни, как незримые кормчие будем руководить ей в народной буре, руководить не конкретной, видимой властью, но коллективной диктатурой всех союзников (альянсистов). Диктатурой без титулов и знаков отличий, без официальных прав, диктатурой тем более мощной, что она лишена будет внешней видимости власти. Это – единственная диктатура, какую я приемлю. Но для того, чтобы она возымела свое действие, она должна быть налицо. А для сего надобно подготовить ее и организовать наперед, ибо она не возникнет сама собой ни из дискуссий, ни из разногласий и принципиальных споров, ни из народных собраний.

Пусть – немного союзников, но твердых, деятельных, выдержанных, верных и, прежде всего, свободных от тщеславия и личного честолюбия, сильных, людей, достаточно серьезных и возвышенных душой и сердцем для того, чтобы предпочесть истинное могущество тщеславным его атрибутам. Создайте вы эту *коллективную и незримую* диктатуру – и победа за вами. Революция будет иметь хорошего кормчего и победит. Но если нет – то нет! Если вас прельстит игра в комитет народного спасения, зримая диктатура, вы падете под ударами вами же созданной реакции.

Любезный друг, я преклоняюсь перед благородным инстинктом и столь пылким разумом французских рабочих, но я сильно боюсь любви их к эффекту, к драматичным, героическим и патетическим сценам.

Многие из наших друзей – я к ним причисляю тебя – готовятся в грядущей революции играть великую роль, роль государственных деятелей революции. Они клянутся стать Дантонами, Робеспьерами, Сен-Жюстами революционного социализма, заранее готовят красивые речи и блестящие ходы, долженствующие повергнуть в изумление мир. Конечно, народные массы послужат подножием, пьедесталом демократическому тщеславию их! Во имя спасения всех они будут создавать диктатуру, правительство. Смешное, плачевное заблуждение! Их целью будет лишь собственное честолюбие, и служить они будут только реакции.

Они же сами будут реакцией. Помни твердо об этом, друг мой и брат: нынешнее социалистическое движение, прямо противоположное всем политическим движениям, стремящимся к одному лишь господству и возвышению отдельных личностей, – нынешнее освободительное движение несовместимо с торжеством и диктатурой единиц. Коль скоро победят единицы, не социализм уже будет, но политика, дело буржуазии, социалистическое движение будет проиграно. Если же оно не будет разбито – потерпят жестокий крах тщеславные замыслы отдельных честолюбцев, стремления их к диктатуре.

Существует одна лишь единственная власть, единственная диктатура, коей организация благотворна и возможна, – коллективная незримая диктатура союзников во имя нашего принципа; и тем полезней и могущественней будет она, что лишена будет всякой официальной, видимой власти. Но для того, чтобы создать ее, нужны поистине сильные люди, люди, душой и сердцем стоящие выше жалкого тщеславия, стремящиеся к победе

идей своих, но не своей личности, люди, которые предпочтут истинную власть обличью власти, которым ясно, что наш век – век коллективных, не индивидуальных сил, что коллектив сотрет в порошок всякого, кто вздумает диктовать ему свою волю.

Ты слишком умен, чтобы не понять всего этого. Но сердце твое и характер – не уступят ли они твоему разуму? Вот в чем вопрос. Что победит в тебе? Любовь к справедливости и равенству или стремление увидеть себя в исторической позе? Достанет ли у тебя силы победить в себе итальянскую похвальбу, которая кажется тебе лучшим средством, чтобы магнетизировать массы, – эту манию позы и жажду славы, что мучит тебя и поныне?

Ты видишь, я говорю с откровенностью друга и брата, я считаю себя вправе говорить все до последнего слова, ибо я чувствую в сердце огромную к тебе любовь и, хоть и вижу в тебе немалую дозу индивидуализма, надеюсь на разум твой и твое сердце, которые выше твоих недостатков, – одним словом – верю в твою дружбу ко мне. Если ты сохранишь ее и после этого письма, я счастлив буду, что написал его.

Одно слово еще. В одном из писем ты говорил мне, что я мог бы стать Гарибальди социального движения. Ты, право, слишком хорошего мнения обо мне. Будь уверен, я знаю себя хорошо и не вижу за собой ни достоинств, ни недостатков, которые необходимы, чтобы создать героя: и меньше всего я забочусь о том, чтобы создать себе историческое имя[71].

Знаешь, в чем мое честолюбие? Оно велико, но стремится не к славе и шумихе. Оно в том, чтобы помочь вам создать эту незримую коллективную силу, которая одна только и может спасти революцию.

[4] Пожалуйста отвечай мне немедленно по адресу Перрона.

Преданный тебе *М. В.*

XII. Рутина

17 апреля 1870.

Дорогой друг. Я получил твое письмо. Я много подумал над ним. Мы были, мы есть и мы останемся друзьями, братьями и близкими союзниками. Иначе и быть не может, ибо мы любим друг друга и уважаем. Поступать иначе значило бы стать врагами самим себе, что было бы бессмыслицей. Я возвращаюсь завтра в Локарно. Я останусь там не более двух недель и вернусь сюда на все лето. Я дал твой адрес моему другу и соотечественнику..... (не разобрано) союзнику внешнему, не близкому, чтобы он рассказал тебе в подробностях все, что произошло на конгрессе в Шо-де-Фоне и позже. Кузен сообщил мне окончательно о своем прибытии к началу мая. Следовательно, в мае мы увидимся и тогда поговорим обо всем друг с другом, о теории и о практике, но особенно о практике. Если будешь мне писать немедленно, то адрес локарнский; если нет, то пиши по адресу Перрона.

Преданный тебе *М. Б.*

XIII. Война во Франции. Италия

10 августа 1870. Локарно.

Дорогой мой друг. Пишу тебе только для того, чтобы получить о тебе известия, ибо я очень обеспокоен твоим молчанием. Зная благородный пыл твоих патриотических чувств, я боюсь, что ты записался в добровольцы. Это, несомненно, будет очень благородно, но в то же время и глупо. У тебя есть обязанности по отношению к твоей семье, и ты должен заботиться об ее интересах. К тому же, вот прекрасный случай осуществить то дело, которое *Джеймс*[72] и *Франсуа*[73] предлагали тебе в Лионе от моего имени в конце прошлого года: это – крупное дело, коммерческое предприятие, охватывающее Швейцарию, Италию и Испанию. Друг мой, если ты хочешь всех нас спасти от разорения, надо немедленно взяться за него. В этом смысле я написал *Августу*[74] очень пространное письмо, а также *Джеймсу*, *Эдуарду*[75] и *Франсуа*. Последнему я написал, чтобы он уговорил *Жерома*[76] вернуться домой для того, чтобы энергично приняться за это дело, разумеется, предварительно сговорившись с тобой. Я писал также *Франсуа*, чтобы он непременно приехал, и притом как можно скорее. Ожидаю я также *Эдуарда* и *Беппе*[77]. Ты видишь, что я не сплю. К несчастью, в Италии царит страшное возбуждение, словно накануне революции. Король и его правительство преисполнены благожелательности по отношению к Франции и императору, но народ в целом относится к вам враждебно. Всюду – лихорадочное волнение, решительные протесты против войны и против союза с вами. Громко приветствуют – увы! несомненные победы пруссаков. Решаются громко говорить о низвержении императора, намереваясь затем подвергнуть той же участи короля. Король колеблется. Консервативная партия толкает его на войну с Пруссией и на провозглашение осадного положения во всей Италии. С другой стороны, в Милане уже стреляли, всюду строились баррикады, и народ, по-видимому, готов повсюду к восстанию. Чем все это кончится? Будем надеяться на лучшее. Тем временем не будем забывать о наших делах и, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, отказавшись от мелочных и узких спекуляций, будем извлекать все, что возможно, из настоящего положения, чтобы осуществить в крупном и широком масштабе наш план, наши проекты. Лишь этой ценой можем мы спастись от грозящего нам полного разорения.

Твой *Бенуа*.

XIV. Шифрованное письмо о Революции

16 августа 1870. Локарно.

Дорогой друг. Получил твое письмо от 13-го. Оно меня, вполне удовлетворило тем, что я узнал из него, что ты здоров и по-прежнему хорошо настроен по отношению к нашим делам. Мне кажется невозможным в настоящее время вступать в переговоры с крупным шелковым торговцем[78]. Полагаю, что после его блестящих спекуляций он сделался совершенно несговорчив. Надо, чтобы он сперва потерпел крупный убыток, и тогда с ним можно будет вступить в переговоры; думаю, как и ты, что *Август* и *Эдуард* для этого окажутся наиболее

подходящими людьми. Уже около десяти дней как я вступил в сношения с *Августом*. Он первый написал мне о протестах, вызванных одной из твоих спекуляций, которая, признаюсь, и меня немало удивила, показавшись мне более опасной, чем полезной, более опасной по своему моральному действию, чем полезной по своим практическим результатам[79]. Я вовсе не пурист, но думаю, что нарушение устава допустимо, лишь когда предвидится крупная и верная прибыль. Весьма возможно, что издавек я не мог уловить, в чем именно заключалась эта прибыль. Впрочем, сейчас у нас дело поважнее. Нам надо спастись от *разорения* и привести к *благополучному концу*[80] *наши дела*, которым состояние рынка, вызванное этой проклятой войной, грозит сильным расстройством. Я получил из Неаполя письмо от нашего друга *Белле*. Он пишет мне от своего имени и от имени *Эдуарда*, что их капиталы[81] готовы; что они и все их клиенты сходятся в убеждении, что никогда ни время, ни обстоятельства не были так благоприятны, как в настоящую минуту, для начала предприятия, и они решили приступить к нему, хотя бы они располагали одними лишь итальянскими капиталами; а в таких капиталах нет недостатка – отовсюду к ним приходит множество *предложений*: из Милана, из Генуи, из Турина, а также из Флоренции. Они, конечно, прекрасно понимают пользу, которую принесло бы более *всеобщее сотрудничество, образование крупной международной компании*; и они спрашивают меня, не захотят ли внести в это дело свои капиталы капиталисты юга Франции, Испании и известной части Швейцарии. Я ответил им, пригласив их приехать для переговоров со мной, обещав взять на себя посредничество между ними и друзьями из других стран. Теперь я жду, будучи уверен, что они приедут. Тогда-то я и поговорю с *Эдуардом* о деле с *шелком*. Что же касается дела с *вином*[82], то я уверен, дорогой друг, что повести успешные и в широком масштабе переговоры можно будет лишь тогда, когда будет пущена в ход наша крупная спекуляция[83]. Раньше того оно не даст серьезных результатов и может даже нас разорить – игра не стоит свеч. Но когда крупное предприятие[84] будет поставлено на ноги, надо будет заняться в широких размерах *торговлей вином*, конечно, предварительно организовав ее так, чтобы она принесла нам все те выгоды, которые мы вправе ожидать от нее.

Итак, ты видишь, дорогой друг, что теперь можно с уверенностью рассчитывать на участие итальянских капиталистов; их содействия, впрочем, что я говорю, их непосредственного действия, даже без нас и помимо нас, можно с уверенностью ожидать в ближайшем будущем. Лишь бы сами мы оказались налицо. Об этом нам и надо подумать. Я написал *Августу* два длинных письма, в которых я ему изложил как с общей точки зрения, так и в деталях мой план, мои взгляды на лучший способ начать и развить наши спекуляции, дабы привести их к желанной цели и установить, наконец, нашу торговлю, наше благосостояние на действительно прочных основах. Я просил *Августа* (не разобрано) тебе эти письма, или же передать тебе подробную сводку их, дабы между нами было полное соглашение. Такое соглашение необходимо в настоящее время более чем когда-либо. Напиши *Джеймсу*[85], чтобы (не разобрано) его немного. Что же касается *Шарля*[86] и *Жука*[87] их придется оставить с их теологией. Я их считаю неизлечимыми. Возможно, что мне скоро понадобится поехать по делам в Женеву. Но я извещу тебя об этом заблаговременно. Итак, продолжай адресовать свои письма сюда.

Твой *Бенуа*.

XV. Война и Революция во Франции

23 августа 1870. Локарно.

Дорогой друг. Получил твое письмо от 20-го. Ты прав: мне не следовало критиковать тебя в письме к твоему другу; я никогда больше не стану этого делать; когда я сочту нужным сделать тебе замечание, я обращусь непосредственно к тебе, и то в случае крайней необходимости. Давай поэтому руку, и больше об этом говорить не будем. У нас есть много других предметов разговора. Мой дорогой, ты, все вы в Лионе находитесь в печальном заблуждении относительно *дел торговца шелком*[88]. Вас самым недостойным образом обманывают. Дела этого торговца идут лучше, чем когда-либо, а, напротив, у его конкурентов дела тают прямо на глазах. Поэтому не будем больше заниматься *шелками* и поговорим *лучше о винах*.

У меня едва хватает мужества говорить о наших частных делах, так я подавлен общественными бедствиями. Базен разбит, наполовину уничтожен, заперт в стенах Меца и лишен всякой связи с Парижем, ибо прусский корпус занимает железную дорогу между Мецем и Тионвиллем. Он поставлен в такое отчаянное положение, что принужден или позорно сдаться пруссакам за неимением провианта для пропитания своей уже сильно потрепанной армии, или предпринять отчаянное движение в тылу пруссаков, будучи окруженным бесконечно превышающими его силами. А тем временем армия Наследного Принца, подкрепленная новыми частями, которые ежедневно приливают по немецким и французским железным дорогам, движется к Шалону, который будет в состоянии выставить против нее самое большее, армию в 100 или 120 тысяч человек, еще очень плохо организованную. Эта армия сделает, конечно, героические усилия, но кончится тем, что она будет разбита, раздавлена бесспорным численным превосходством. Пруссаки двинутся на Париж, и, *если весь французский народ не поднимется, - они возьмут Париж*.

Такова подлинная истина, дорогой друг, клянусь тебе тем, что для меня всего священнее, моей честью, говорю тебе это с глубоким отчаянием в сердце, исполненный стыда, бешенства, но это чистейшая и полнейшая истина, и если вам говорят противоположное, если только стараются вас утешить, если обещают вам, что те меры, которые приняты недавно в Париже, спасут Париж и Францию - вам лгут, вас обманывают самым недостойным образом! Париж и Франция могут быть спасены только огромным народным подъемом. Надо, чтобы везде народ взялся за оружие и сорганизовался сам, с тем, чтобы начать против немцев-захватчиков истребительную войну, войну до конца, смертный бой. Он не должен больше позволять, чтобы ему навязывали вождей, он должен сам выбирать их; вы окружены предателями, и в прессе, и в правительстве, и в администрации, - вас продают везде. вспомните слова Дантона в эпоху и среди опасностей, которые, конечно, не были более страшными, чем настоящие опасности и эпоха: «Прежде чем идти против врага, надо уничтожить и парализовать его в тылу у себя». Надо повергнуть *внутренних пруссаков*, чтобы иметь возможность затем уверенно и безопасно идти против пруссаков внешних. Патриотическое движение 1793 года ничто в сравнении с тем, которое вам придется поднять теперь, если вы хотите спасти Францию от рабства на 50 лет, от нищеты, разорения, унижения, гибели. Итак, вставайте все, друзья, при пении Марсельезы, которая

снова становится сегодня законным гимном Франции, глубоко современным, гимном свободы, народным гимном, гимном человечества, ибо дело Франции, наконец, снова стало делом человечества. Актом патриотизма мы спасем всеобщую свободу, только бы восстание народа было всеобщим и искренним и шло под предводительством не изменников, продавшихся или готовых продаться либо пруссакам, либо Орлеанам, которые идут с ними, но народных вождей.

Только при этом условии Франция будет спасена. Не теряйте поэтому ни минуты, не ждите больше сигнала из Парижа! Париж обманут, парализован опасностью, которая ему грозит, и, в особенности, плохо направляем. Вставайте по собственному почину, беритесь за оружие, смыкайтесь в ряды, организуйтесь, уничтожайте внутренних пруссаков, чтобы ни одного не осталось больше у вас в тылу, и спешите освободить Париж.

Если в течение десяти дней во Франции не произойдет народного восстания, Франция погибла. Ах, если б я был молод, я не писал бы писем, я был бы среди вас.

А теперь поговорим о наших винах. Дорогой друг, несмотря на общественное бедствие, я полагаю, что мы можем, довести это дело до благополучного конца. Нужно хорошенько и немедленно организовать его. Оно одно может теперь спасти нас от разорения. И я думаю, что обстоятельства, столь печальные для нашей родины, ему крайне благоприятны, только бы люди, которым вы поручите это дело, были людьми разумными и верными. Правда, нам удастся реализовать немного денег с помощью наших турок, но это будут сущие пустяки. Впрочем, я пишу *Бернару*[89] и *Августу*, чтобы они выслали тебе возможно скорее маленькую сумму. Но это такая мелочь, что о ней почти не стоит говорить; все наши надежды, как и надежды наших итальянских друзей (для начала), покоятся теперь на первых значительных суммах, которые вы можете, вы должны реализовать теперь на винах, несмотря на общее волнение в стране и даже с помощью его. *Беппе* в настоящую минуту у меня. Он уезжает завтра. Он братски обнимает тебя и велит сказать тебе, чтобы ты на него рассчитывал. Он не будет терять ни минуты, он будет работать денно и ночью и с доброй надеждой, только бы мы могли дать ему займы необходимые для начала деньги, которые он нам вернет с хорошими процентами, как только ему удастся начать как следует дело.

Я, вероятно, скоро уеду, чтобы присоединиться к *Августу* и *Бернару*. Но по получении этого письма напиши мне немедленно и адресуй свое письмо сюда. Продолжай адресовать твои письма сюда, впредь до отмены с моей стороны.

Преданный тебе *Бенуа*.

Жду от тебя ответа.

XVI. Письмо Французу о текущем кризисе. Война и Революция во

Франции.

4 сентября 1870. Локарно[90].

Я удивляюсь вашему оптимизму. Вот официальная депеша из Берлина:

«Прусский король королеве. Седан, 2 сентября, полтора часа по полудни. Генерал Вимпфен, заменивший в командовании армией тяжело раненого маршала Мак-Магона, подписал капитуляцию, сдавшую нам Седан и признавшую всю армию военнопленной. Император, еще ранее сложивший с себя всякое командование, сдался лично мне, передав управление страной регентству в Париже. Я определяю его местопребывание после разговора с ним в ближайшем времени. Какие события по милости божией! Вильгельм». А вот и другая официальная депеша из Берлина:

«St. Barbe, 1 сентября. Со вчерашнего утра, в течение целого дня и целой ночи, Базен вел против нас бой со всей своей армией. Он был повсюду отражен с огромными потерями. Французы дрались с отчаянной храбростью, но они под конец вынуждены были уступить и отброшены нами в Мец».

Итак, регулярная, официальная сторона закончена. У нас нет ни армии, ни императора. Начнет ли действовать народная сторона, или же Франция, спустившись в разряд третьестепенной державы, вынуждена будет подчиниться игу Пруссии: на Париж уже не приходится рассчитывать. Есть там Паликао, Шивро, Пиетри, императрица и правые; за ними идут орлеанисты – Тьер и Трошю и, наконец, в третьем ряду республиканцы-радикалы – Гамбетта, *мудрый, рассудительный, положительный* республиканец[91], с Жюлем Фавром, Жюлем Симоном, Кератри, Ферри, Пелльтаном и многие другие подобные (не разобрано). Эти господа уже дали меру своего ума и своей силы. Они скопцы, они преступно потеряли целый месяц, каждый день которого был драгоценен для поднятия народного восстания и для вооружения Франции. Страх перед социализмом, перед действительным народным восстанием сделал их глупыми и бессильными. – Впрочем, Париж, поглощенный собственной обороной, не будет иметь возможности организовать национальную оборону Франции. Французский народ не должен больше рассчитывать ни на какое правительство, ни ныне существующее, ни даже революционное. Если у него есть мозг и сердце, если он не импотент, он будет рассчитывать только на себя одного. Его правительственная машина, его государство разбиты. Францию может спасти лишь немедленное, всеобщее анархическое восстание всего населения, как городов, так и сел, анархическое в том смысле, что оно должно зародиться и сорганизоваться вне всякой опеки, вне всякого руководства, официального и правительственного, снизу вверх, смело повсюду провозглашая низложение государства со всеми его учреждениями и отмену всех существующих законов, сохраняя в неприкосновенности лишь один закон, закон спасения Франции от врага внешнего – пруссаков, и от врага внутреннего – изменников.

Призыв ко всем коммунам: пусть они организуются и вооружаются, вырвав оружие из рук тех, которые его теперь удерживают и скрывают. Пусть они пошлют своих делегатов в любое место за чертой Парижа для образования временного правительства,

действительного правительства спасения Франции.

Надо, чтобы инициативу принял на себя один из больших провинциальных городов, Лион или Марсель. Надо, чтобы рабочие этих городов имели смелость взять на себя эту инициативу, немедленно, без колебаний, без задержек. Им уже нечего колебаться, положение достаточно ясно, все перед ними налицо. Радикальная буржуазия безмозгла и бессильна. Администрация состоит из бонапартистов. (Все спасение Франции таким образом в руках одних рабочих, в руках этого городского народа, который должен суметь увлечь за собой народ сельский. Вопрос только в том, мужчины ли или евнухи рабочие? Социалисты-революционеры ли они, или только социалисты-доктринеры, живые ли они люди, или евнухи подобно буржуа. Да дерзают же они во имя человечества и Франции! Их ответственность огромна, ибо судьба Франции и европейского социализма на их совести. Положение ясно, повторяю, если лионские и марсельские рабочие не восстанут немедленно, Франция и европейский социализм погибнут. Итак, колебание было бы преступно. Я в вашем распоряжении и жду от вас немедленного ответа.

Бенуа.

Примечания

[1] Марксистский историк не может обойтись без этого замечания, которое несмотря на то, что вторит мнению индивидуалистов, не правдиво. Как можно видеть в этих письмах, а также в письме Бакунина Нечаеву, слово «диктатура» (можно привести сюда то, что так сказать, анархическая диктатура у Бакунина всегда «коллективна», исходит от сообщества и нуждается в подтверждении тех, кто следует за ней, в отличие от личной или узкогрупповой диктатуры государства), а также «руководство» здесь используются в таком смысле, которое как раз-таки совместимо с анархизмом Бакунина, то есть руководство, осуществляемое через простое убеждение и авторитет, который не нужно отождествлять с «властью», потому что в случае с авторитетом принимает решение подчинятся не авторитет, а тот, кто решает подчинятся. Подробнее в «Боге и Государстве» (Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов, Второй выпуск Кнута-Германской Империи и Социальной Революции).

[2] Историк-марксист забывает, что Маркс пользовался-таки клеветой и подлогом, а также другими слишком низкими методами борьбы, которыми Бакунин не пользовался. И именно Маркс пытался сделать из Интернационала исключительно марксистское (Бакунин был за сохранение разнообразия) объединение профсоюзов, а потом и превращение их в чисто политические партии.

[3] Оправился, о чем свидетельствует его последняя революционная попытка – восстание в Болонье. Именно после этого поражения этого восстания он уже не мог оправиться.

[4] Центральное Бюро Альянса.

[5] «Юлия» – зашифрованное имя Бенуа Малона (Testu, I, 143). Но в другом шифре под именем «Юлия» (Julie) значится Энон (Henon), мэр Лиона (там же, 154). М. Неттлау в опубликованном им отрывке из этого письма (Michael Bakunin, Gesammelte Werke, т. III, стр. 93) на месте этого имени ставит Шарля Перрона.

[6] Париж.

[7] Бюро Альянса в Париже.

[8] Бюро Альянса в Женеве. В ключе, опубликованном Тестю, под именем «Анна» значится Дюваль (I, 144). В данном случае мы считаем правильным имя, раскрываемое Максом Неттлау.

[9] Речь идет о секциях Интернационала и Генерального Совета. «Капитал» означает людской состав и средства организации.

[10] Парижа.

[11] Бланкистская организация.

[12] Огюст Бланки.

[13] Неттлау предполагает «полиция». Но в ключе к шифру под именем «Луиза» (Luise) скрыт В. Жакляр. ПО смыслу письма догадка Неттлау правильна.

[14] Жакляр.

[15] Загорский. (член Альянса)

[16] Н, Жуковский. (член Альянса)

[17] Аристид Рей.

[18] Эли Реклю и Джузеппе Фанелли.

[19] К. Гамбуцци в Италии.

[20] Здесь обрывается письмо в публикации М. Неттлау.

[21] Из дальнейшего видно, что речь идет о самом Альбере Ришаре. Характерно, что часть письма, в которой не говорится об Альянсе, не зашифрован.

[22] Кормье – член Лионской секции Интернационала. Имя и фамилия его не зашифрованы.

[23] Шарль Перрон.

[24] Здесь имеется следующая фраза, с очевидным пропуском, не поддающаяся переводу: «Vous avez dû recevoir un jour après que vous m'avez expédié le vôtre». (Вы, должно быть,

получили его через день после того, как отправили мне свое).

[25] А. Кормье.

[26] Virginie Barbet (Вирджинии Барбе), корреспондентка «Egalité»; владелица ресторанчика в Лионе. Имя ее «Вирджинии» встречается в разных местах переписки.

[27] Шифр.

[28] По смыслу письма «Луиза» не может здесь обозначать полицию. Очевидно, скрыто имя одного из политических противников.

[29] Аристид Кормье и Карналь, члены Лионской секции Интернационала, обвинили Ришара в подделке мандата на один из конгрессов Интернационала. Состоявшийся суд чести окончился реабилитацией Ришара. Из документов, опубликованных О. Тестю в указанной выше книге, можно заключить о финале этой истории. Кормье и Карналь, а вместе с ними еще четыре человека были исключены из Лионской секции (Testu, т. I, стр. 408). Вряд ли это исключение обошлось без давления Бакунина, который в одном из писем Ришару, писал: «Мы серьезно возьмем дело вашей чести в свои руки и доберемся до корней этой клеветы. Выкорчевать ее тем необходимее, что она имеет очевидную тенденцию пускать везде ростки». Выкорчевка, как видим, была произведена решительная. Надо, впрочем, сказать, что Бакунину не повезло с Альбером Ришаром. В январе 1872 года он и его друг, Гаспар Блан, также бакунист, бежавшие после лионского восстания в Англию, открыто объявили себя бонапартистами. Их имена, как ренегатов, были преданы поруганию (см. Guillaume «L'Internationale», Paris, Stock, т. II, стр. 256).

[30] Письмо это приведено в предисловии к письмам Ришара.

[31] А. Ришар потерял ключ к шифру, которым Бакунин пользовался.

[32] Вероятно, Бенуа Малон.

[33] Италия (по словарю, напечатанному у Тестю)

[34] Испания (по словарю Тестю)

[35] Перрон (по словарю Тестю).

[36] Фанелли?

[37] Генеральный Совет Интернационала.

[38] Труда «Капитал. Критика Политической экономии» Маркса. Только весной этого года переводчик сменится.

[39] Центральное Бюро Альянса в Женеве.

[40] Сентиньон и Ф. Пелиссе.

[41] Париж.

[42] Аристид Рей.

[43] Варлен.

[44] Паликс.

[45] Бастелика.

[46] Россия. Возможно, Бакунин в этом письме рассказывает небылицы Нечаева о грядущей через считанные месяцы Революции в России. Эта история сильно скомпрометирует Бакунина.

[47] Речь идет о С. Нечаеве и его товарищах в России. Отрывок настоящего письма опубликован на немецком языке М. Неттлау в книге, указанной выше.

[48] Здесь обрывается отрывок, опубликованный М. Неттлау

[49] Париж.

[50] Бенуа Малон (по ключу Тестю).

[51] Аристид Рей (по ключу Тестю).

[52] Бенуа Малон и Аристид Рей. (по ключу Тестю).

[53] Варлен.

[54] Париж.

[55] Россия.

[56] Ф. Сентиньон и Ф. Пелиссе/

[57] Ф. Сентиньон.

[58] Бастелика.

[59] То есть теми, кто несет на себе все бремя нынешней цивилизации.

[60] Вечером 4 августа 1789 года («Ночь чудес») виконт де Ноай предложил отменить привилегии знати, чтобы восстановить спокойствие во французских провинциях. Учредительное собрание Франции положило конец феодальному и сеньориальному строю, отменив привилегии двух правящих сословий, духовенства и дворянства.

[61] В предисловии к письмам Бакунина Ришару мы указывали, что располагаем не полным текстом письма от 1 апреля 1870 года. Когда настоящая книга была уже набрана, мы получили возможность ознакомиться с полным текстом, опубликованным в III томе «Архива Маркса и Энгельса». Приводим здесь недостающие у нас части этого письма, как они напечатаны в указанной книге «Архива». Место каждого отрывка обозначено в тексте письма цифрой, заключенной в прямые скобки []. Отрывки, которые имелись, помещены простыми скобками ().

[62] То есть рабочая аристократия, имеющая гражданские политические права. В Женеве существует две прослойки пролетариата – «Фабрика» и «Стройка», последняя состоит преимущественно из гастарбайтеров и более восприимчива для революционной пропаганды.

[63] Про Утина у Бакунина есть особый неизданный труд «Интриги господина Утина», также что-то имеется в работе «Доклад об Альянсе».

[64] Видимо, с бланкизмом и якобинством, предлагающим участие в буржуазной политике и прудонизмом, предлагающем кооперацию, вместо классовой борьбы.

[65] Варлен.

[66] Бастелика.

[67] Обри (в Руане).

[68] Малон.

[69] Паликс.

[70] Возможно, имеется ввиду «Письма о Революционном движении в России адресованное гражданину Либкнехту, редактору и главе "Volksstaat"» (Lettres sur le mouvement Révolutionnaire en Russie adressées au Citoyen Liebknecht, Rédacteur en Chef du «Volksstaat») от 8 апреля 1870 года. Под таким названием написано всего одно письмо. Есть также «Письмо Сергея Нечаева и Михвила Бакунина редакторам "Volksstaat"» (Lettre de Sergej Nechaev et Michail Bakunin au rédacteur du "Volksstaat") от 15 апреля 1870 года. Более ничего не было написано. – прим. библиотеки анархизма.

[71] В воспоминаниях, указанных выше, А. Ришар приводит этот абзац в таком виде: «Encore un mot pour répondre à certaines idées fausses, que tu te fais parfois de mon rôle éventuel» (Еще одно слово в ответ на некоторые неверные представления, которые вы можете иметь о моей роли в будущем) и так далее («Revue de Paris», № 17 1896, стр. 133). М. Неттлау в указанном немецком издании (стр. 100) печатает этот абзац в таком виде: «Noch ein Wort. In einem deiner Briefe sagtest du mir, dass ich der Garibaldi der sozialen Bewegung werden könne» и так далее. Так как Неттлау опубликовал отрывок, предварительно сверив его с подлинником, этот абзац мы воспроизводим по Неттлау. В письме, следующем за этим (от 17 апреля 1870 года), осталось неразобранным одно слово. В публикации «Архива Маркса и Энгельса» (стр. 370) на месте пропуска стоит фамилия Жуковского.

[72] Гильом.

[73] Сентиньон.

[74] Гаспар Блан.

[75] Карло Гамбуцци.

[76] Андре Бастелика.

[77] Джузеппе Фанелли.

[78] В следующем письме Бакунин под этим названием скорее всего понимает Прусского короля, а тот, кто начинает переговоры с ним – это, конечно, не сам Ришар, а Франция. Хотя, в рамках этого письма подходят и другие политические противники бакунистов – бланкисты во Франции и марксисты в Генеральном Совете.

[79] Возможно, имеется ввиду задумка Ришара отправится добровольцем на войну, хотя определенно утверждать невозможно.

[80] Возможно, имеется ввиду подготовка к Революции.

[81] То есть люди, организация.

[82] Возможно, Революционное дело, дело подготовки революции.

[83] Видимо, имеется ввиду, что только после начала Социальной Революции возможны переговоры с Пруссаками.

[84] Возможно, революционная организация, Альянс бакунистов.

[85] Дж. Гильом.

[86] Ш. Перрон.

[87] Н. Жуковский.

[88] По догадке М. Неттлау – Бакунин здесь имеет в виду прусского короля или Бисмарка. Эту догадку повторяет и Гильом, опубликовавший часть этого письма в «L'Internationale», т. II, стр. 80.

[89] Озеров?.

[90] В оригинале письма дата обозначена Бакуниным ошибочно «4 августа». Как можно видеть из текста, письмо было написано в сентябре.

[91] Это издевка, особенно если судить по тому, как Бакунин их реально оценивает в своих трудах этого периода в «Письмах к Французу» и «Кнута-Германской Империи».

Версия #4

Зверобой создал 6 августа 2025 05:26:49

Зверобой обновил 6 августа 2025 06:14:50